

Хроника

УДК 82.0

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-274-282

Е. В. Капинос

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

**Эпический, лирический и драматический сюжет
в теоретическом и историческом аспектах:
хроника Всероссийской конференции
«Сюжетология / сюжетография – 6»
(Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 14–16 мая 2019 г.)**

В статье изложена хроника конференции «Сюжетология / сюжетография – 6», проводившейся 14–16 мая 2019 г. сектором литературоведения Института филологии СО РАН. На конференции было прослушано около 60 докладов, подготовленных исследователями, работающими в учебных и научных заведениях Сибири (Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул, Красноярск, Рубцовск), а также Москвы, Петербурга, Перми.

Как и в предыдущие годы, эта традиционная конференция была посвящена проблемам создания «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы», работа над которым продолжается в секторе второе десятилетие. На конференции обсуждались вопросы теории сюжета и мотива, сюжет выступал как понятие нарратологии, реконструировалась история конкретных сюжетов, делался обзор сюжетных и мотивных тезаурусов отдельных авторов или произведений. Сюжет рассматривался в отношении к интертексту, в ряду понятий «мотив – поэтический троп – поэтическая формула – имя – слово», с учетом противопоставления лирического и эпического, анарративного и нарративного.

Кроме теоретических докладов, а также исследований, реконструирующих «сквозную» историю тех или иных сюжетов, на конференции были представлены работы по сюжетике и мотивике сибирского текста. Рассматривалась также сюжетная структура публицистики (автономно или в сравнении с художественными сюжетными структурами) и мультижанровых произведений. Отдельная секция отводилась древней литературе, довольно большая группа (около десяти) исследователей была сосредоточена на изучении лирического сюжета, хотя основной интерес по традиции был обращен к изучению эпики.

Ключевые слова: сюжет, мотив, нарратология, сюжетология, сюжетография, лирический сюжет, эпический сюжет, сюжет и жанр, сюжетика и мотивика сибирского и дальневосточного текста.

Традиционная конференция сектора литературоведения Института филологии СО РАН была посвящена, как и в предыдущие годы, проблемам создания «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» (работа по составлению этого многотомного издания продолжается в секторе уже второе десятилетие). Обсуждались

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, dzerv@mail.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 274–282.

© Е. В. Капинос, 2019

также вопросы теории сюжета и мотива, сюжет выступал как понятие нарратологии, реконструировалась история конкретных сюжетов, делался обзор сюжетных и мотивных тезаурусов отдельных авторов или произведений и пр.

Доклады по истории и аналитике магистральных сюжетов русской литературы преобладали над теоретическими, и тем не менее на конференции был обозначен целый ряд актуальных теоретических вопросов сюжетологии. Так, в докладе **И. В. Силантьева** «Проблемы теории творчества в советском художественном журнале» сопоставлялись принципы словесной и визуальной сюжеттики. Теоретические положения доклада были сделаны на основе изучения материалов журнала «Советское фото», основанного в конце 1920-х гг. М. Кольцовым при помощи Н. Е. Ермилова и В. И. Срезневского, регулярно публиковавшего серьезные статьи по композиции, фотостилистике, кино- и фототехнике. В докладе **В. М. Лурье** «Приключения математической логики в сюжетах Хармса» на современную теорию художественной сюжеттики примерялись принципы современных логик. Докладчик обратил внимание слушателей на увлеченность Хармса числами, которая не исчерпывается «обсессивно-компульсивным дискурсом» (термин В. П. Руднева) и влиянием оккультной литературы. Хармсу принадлежат как минимум две оригинальные «нумерологические» теории, породившие сюжетобразующие мотивы: относительно «цифринитных» чисел и нуля и относительно произвольности порядка натуральных чисел. К ним примыкает и теория индивидуации, сформулированная в рассказе о рыжем человеке. По мнению В. М. Лурье, именно эти теории созвучны современным логикам, нарушающим логические «законы» Аристотеля. **И. В. Кузнецов** («Понятие как “мотив” теоретического высказывания») сравнил формирование художественного сюжета с процессом формирования суждения в мыслительной деятельности, конечно же, сравнение продиктовано теорией внутренней речи Л. С. Выготского. Что касается других теоретических проблем, то отметим, что на конференции сюжет рассматривался в отношении к интертексту, в ряду понятий «мотив – поэтический троп – поэтическая формула – имя – слово», с учетом противопоставления лирического и эпического, анарративного и нарративного.

«Сквозная» история конкретных сюжетов или мотивов, связывающая разные литературные эпохи или разных писателей, была представлена М. Н. Климовой, В. В. Мароши, Н. В. Налегач, Т. И. Печерской, С. К. Севастьяновой, Ю. В. Шатиным. Доклад «“Цветочки” Франциска Ассизского в “Великом Зерцале”» **С. К. Севастьяновой** был посвящен изучению повествований о святом Франциске Ассизском и братьях названного его именем нищенствующего ордена в составе русского «Великого Зерцала». С. К. Севастьянова выявила мотивы и сюжеты, близкие древнерусской словесности, способствовавшие переводу семи рассказов о францисканцах, попавших в польское «Зерцало» из западноевропейских книг «примеров» и сборника «Цветочки». Созданный в первой половине XIV в. этот флорилегий включил в свой состав 53 главы и стал самой популярной и любимой на католическом Западе книгой о «беднячке» Христовом и первых францисканцах. В России «Цветочки» получили известность лишь в конце XIX в. Но вошедшие уже в первый перевод повествования о Франциске, поданные как рассказы о безымянном святом, о почитаемом в южно-русских областях в XV–XVII вв. святом Антонии Падуанском (его имя сохранено при переводе), и об Иоанне, ученике Франциска, чье имя олицетворяло собирательный образ соименных христианских святых, получили широкое распространение уже в конце XVII в. в составе «Великого Зерцала», о чем свидетельствует богатая рукописная история сборника. **Ю. В. Шатин** построил доклад как очерк многовековой истории сюжета «*exegi monumentum*» («*Exegi monumentum: от оды к исповеди. Изменение сюжетного кода*»). В докладе **Т. И. Печерской** («Дело о краже сюжетов: Гончаров

против Тургенева») рассматривалась «Необыкновенная история (Истинные события)» И. А. Гончарова с точки зрения особого взгляда писателя на устройство сюжета. На основе реконструкции системы сюжетных заимствований и «краж», выявленных писателем, прослеживалась своего рода анатомия сюжета, описывались его механизмы: как и из каких элементов «сделан» сюжет в понимании Гончарова. Представленный материал лег в основу гипотезы об универсальности приемов сюжетосложения и особенностях авторской сюжетной комбинаторики. Внимание **В. В. Мароши** было сосредоточено на цыганском сюжете в русской литературе XIX в.: приводился перечень цыганских сюжетов, давалась их аналитика, констатировались отдельные случаи интертекстуальных взаимодействий и типологических влияний. Древний Библейский сюжет «покаяние и спасение великого грешника» был выявлен и описан **М. Н. Климовой** в советской прозе 1970-х – начала 1980-х гг. («К истории русского мифа о великом грешнике: нарушители пятой заповеди в советской повести 1970-х гг. (Ф. Абрамов, В. Тендряков, И. Грекова)»). Выбранные для анализа произведения («Поездка в прошлое» Ф. Абрамова, «Расплата» В. Тендрякова, «Вдовый пароход» И. Грековой) ярко отразили важную тенденцию современного им литературного процесса – попытку внерелигиозного возвращения к общечеловеческим нравственным ценностям, искаженным и отчасти утраченным в катаклизмах жестокого века. **Н. В. Налегач** перечислила и охарактеризовала сквозные мотивы лирики «парижской ноты», в качестве ключевого был назван мотив надежды.

Интересный поворот сюжетика и мотивика получает на фоне жанровых проблем. Несколько докладов (К. В. Анисимова, Е. Е. Анисимовой, Л. А. Курьшевой) было посвящено балладе и близким ей жанрам. Реконструируя жанровую модель баллады, **Е. Е. Анисимова** перечислила ее структурные признаки, отобранные путем сопоставления баллады с близкими смежными жанрами: лирического стихотворения, идиллии, романтической поэмы, сказки, загадки, элегии. При этом было показано, как ведут себя одни и те же сюжеты и мотивы в рамках близких жанров, переходя из одного в другой. **К. В. Анисимов** (стендовый доклад «Жестокий романс Ивана Бунина: “Красавица”») на примере одного короткого рассказа из «Темных аллей» продемонстрировал, как компаративная пара *рассказ / фольклорная баллада* позволила обнаружить в повествовательной организации «Красавицы» отклик Бунина на правила построения баллад о сироте и жестоких романсов XX в. Доклад **Л. А. Курьшевой** «Стихотворная сказка Я. Б. Княжнина “Флор и Лиза” в контексте развития ранней русской баллады» уводил к истокам русской баллады – к балладам и «сказкам» XVIII в. Сюжеты жанров, которые сравнительно редко попадают в поле зрения литературоведов, – детектива и космической научной фантастики – представили **О. В. Закутняя** («Научно-популярная литература о космосе: чтение филолога») и **П. А. Моисеев** («Сюжеты русских детективов 1966 года»).

В докладах о лирических сюжетах четко прослеживалась мысль о том, что в его сферу оказываются интенсивно вовлечены самые разные свойства текста: пространство, описательная детальность и пр. Так, о топографии, экфрасисе в связи с лирическим сюжетом рассказала **И. Л. Багратион-Мухранели**, ее тема была обозначена так: «Сюжет и фабула “Египетской марки” О. Э. Мандельштама». Сюжетообразующим фактором повести Мандельштама И. Л. Багратион-Мухранели считает топографию послереволюционного Петербурга, поскольку город выступает в повести Мандельштама и как персонаж, и как метонимия «исчезнувшего, уснувшего, как окунь, государства». Символизм архитектуры складывается в оригинальный миф, экфрастический тезаурус которого разворачивается и на уровне описания, и на уровне повествования. Фабула повести прочитывается только в случае овладения читателем авторским шифром. Начало повес-

ти «Прислуга-полька ушла в костел Гваренги – посплетничать и помолиться Матке Божьей» имеет иносказательный смысл, его расшифровка позволяет по-новому интерпретировать текст. Пространство как одну из составляющих лирической сюжеттики другого поэта, В. Высоцкого, рассматривала **Е. А. Худенко**, выбрав тексты, в которых поэт упоминает Барнаул: «Летела жизнь», «Из детства», «Я верю в нашу общую звезду...». Маргинальная природа этого городского топоса неотъемлема, по мнению Е. А. Худенко, от лирического автобиографизма этих текстов. Лирический сюжет пяти стихотворений микроцикла «Весна» из книги Б. Пастернака «Темы и вариации» **К. В. Абрамова** увидела как цепь повторяющихся мотивов, каждый из которых наделен комплексом значений, релевантных лишь в мире Пастернака, но не за его пределами. Столь же замкнутой системой значений обладает микроцикл, цикл, книга (доклад К. В. Абрамовой назывался «*“Контрапункт интертекстуальности” в микроцикле Бориса Пастернака “Весна”*»). И если предметом анализа И. Л. Багратион-Мухранели, К. В. Абрамовой и Е. А. Худенко стали тексты поэтов XX в., то **А. Е. Москалева** обратилась к лирической классике XIX в., в которой усмотрела, однако, черты «открывающейся неклассической реальности» («*“Стихотворения в прозе” И. С. Тургенева между истиной и языком*»).

Самой многочисленной оказалась группа докладов, представляющих сюжетные и мотивные тезаурусы отдельных авторов или описывающих сюжетно-мотивные модели конкретных произведений: от классики XIX в. до современной литературы. Так, **Э. И. Худошина** в докладе «*Пугачевский текст Пушкина: событийность, мотивировки, истолкование*», сопоставляя сюжеты «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки», указала на фигуру Пугачева как на главное звено метатекстовых отношений. Но ни в «Истории...», ни в романе он не является главным героем. Сюжет первого нарратива – история яицкого казачества и военная история бунта. Сюжет второго – история счастливого, в роковых обстоятельствах, безусловно, иногда нечаянно и бессознательно, блюдущего законы чести, за что судьба, в лице разных людей, помогает ему. Пугачев в обоих текстах равен самому себе, а не противопоставлен, о чем и свидетельствуют в романе многочисленные отсылки к «Истории...». **М. Ф. Климентьева** размышляла о сюжетах утопических и антиутопических повестей Фаддея Булгарина, написанных и опубликованных после 1825 г., но до 1846 г. в повременных изданиях, журналах «Северный архив», «Литературные листки», «Сын отечества». Докладчица высказала мысль о том, что начавшийся в русской журнальной прозе процесс формирования массовой литературы был связан с явлением интериоризации сюжетов, что привело к созданию адаптивного габитуса, закрепившегося в культурном и социальном дискурсе приблизительно в 1830–1840-х гг. Сюжеты убийства в текстах Чехова не в первый раз оказываются в фокусе внимания **Л. Н. Сняжковой**, на этот раз ею был предложен доклад «*Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова “Убийство”*». Чеховский подтекст в одном из сюжетов В. Г. Короленко был обнаружен **Н. А. Муратовой** («*Две свирели (В. Г. Короленко, А. П. Чехов)*»). В докладе **К. Ю. Зубкова** и **А. А. Пономаревой** «*Крымская война и эпоха реформ в сюжете романа А. Ф. Писемского “Взбаламученное море”: вымышленное и достоверное*» рассматривалось описание Крымской войны и начала эпохи реформ в 4-й части романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863). Сопоставляя текст романа и отзывы современников Писемского, авторы показали, что писатель одновременно стремился к фактологической точности и к заметным пропускам значимых фактов. Именно соотношение вымышленного и достоверного определяет, по мнению К. Ю. Зубкова и А. А. Пономаревой, сюжетную роль этого эпизода романа. **А. Е. Козлов** интерпретировал «шахматный» сюжет повести Н. Д. Ахшарумова «Игрок», упомянув

об истоках «шахматного сюжета», сформировавшегося как в специальной литературе и периодике (популярные и научно-популярные пособия, специальные издания) и литературном быте, так и в повествовательной прозе XIX–XX вв. Особую роль в формировании этого сюжета играет читательская субкультура, состоящая из шахматистов-любителей и профессионалов. В докладе был сделан анализ многоуровневой сюжетной структуры «Игрока» Н. Д. Ахшарумова и высказана гипотеза о том, что «идеальному читателю» повести в большей мере соответствовал реальный человек, близкий знакомый Н. Д. Ахшарумова – А. Д. Петров. Сразу два доклада об А. Платонове были прочитаны друг за другом во второй день конференции: **Е. Н. Проскурина** «А. Платонов и В. Зазубрин: сюжетно-мотивные пересечения, сходство творческого поведения», **А. Б. Борисова** «Жанр и персонаж в рассказе А. Платонова “Невозможное”», причем в первом случае тексты Платонова позволили открыть новые черты поэтики сибирского писателя В. Зазубрина. Доклад **Г. А. Жиличевой** «Чаплин в нарративе Ю. Олеши» раскрывал «чаплинский код» в творчестве Ю. К. Олеши. Дневниковые записи, статьи, художественные произведения рассматривались сквозь призму кинопоэтики писателя. Таким образом было установлено, что Ю. Олеша интерпретирует взаимодействие языков кино и литературы и как синтетическую, и как конфликтную коммуникацию, демонстрирует как единство визуальных фантазмов разных искусств, так и их принципиальный антагонизм. Многочисленные отсылки к кинообразам Чаплина в текстах Олеши обусловлены не только общим «киноцентризмом» эпохи постсимволизма, но и особенностями «личного мифа» автора, а именно концепцией метафизической «нищеты» творца в «новом» мире. Появление в художественных текстах персонажей, обладающих атрибутами «бродяги Чарли», меняет и тип сюжетной интриги (в событийный ряд привносятся мотивы цирка, театра, кинематографа), и тип повествовательной организации (меняется грамматическое время, вид нарратора). Доклад сопровождался показом иллюстраций к статье Бенджамина де Кассереса «Гамлетоподобная природа Чарли Чаплина», опубликованных в «Нью-Йорк Таймс» 12 декабря 1920 г.

The Hamlet-Like Nature of Charlie Chaplin



"I discovered a poet, an esthete, a dynamic and ultra-advanced thinker."

Иллюстрации к статье «Гамлетоподобная природа Чарли Чаплина»
Бенджамина де Кассереса
(Нью-Йорк Таймс, 12 декабря 1920 года)

Illustrations for an article by Benjamin de Casseres «The Hamlet-Like Nature of Charlie Chaplin»
(The New York Times, December 12, 1920)

Сюжеты и мотивы XIX в. в прозе XX в. описывались в докладах **Н. А. Непомнящих** («*Повесть русской веры*»: лесковская традиция в прозе С. Н. Дурьлина») и **В. А. Боярского** («*Великие музыканты*» у Льва Толстого и Гайто Газданова:

деконструкция любви»). Были заслушаны также доклады о сюжетике современных произведений и ее связи с жанровой и интертекстуальной структурой: **Е. В. Харитонов**а «*Интертекст и его функции в книге иер. Сергея Круглова “Про отца Филофила”*», **Е. А. Полева** «*Ложные воспоминания и забывание как элементы мотивного комплекса памяти в романе Лены Элтанг “Побег куманики”*», **И. С. Полторацкий** «*Поэтика орнаментального сказа в прозе Дениса Осокина*».

Выход за рамки привычных форм поэтики вызывает особый интерес к докладам о сюжетной структуре публицистики и полижанровых произведений. Доклад **Е. О. Третьякова** о двух статьях из «Арабесок» Гоголя («*Мысли о географии*» и «*Последний день Помпеи (Картина Брюллова)*» Н. В. Гоголя как концептуальная диалогия: четыре стихии как основа единства сюжета двух статей») содержал в себе попытку интерпретации художественной философии Гоголя, что, правда, имело лишь косвенное отношение к теме конференции. **Н. В. Константинова** в докладе «*Сюжет о путешествии в нарративе “Зимних заметок о летних впечатлениях” Ф. М. Достоевского*» говорила о том, что нарратор-путешественник Достоевского, отсылая читателя к традиции жанра травелога, принципиально разрушает шаблонные повествовательные стратегии, намеренно разводит событие путешествия и слово о нем, дает возможность читателю самостоятельно выбирать повествовательную модель сюжета о путешествии, допускает принципиальную возможность существенного несовпадения плана реального с тем его словесным изображением, какое отпечатывается на страницах «Заметок». Принципиально выбирая свободную манеру письма о путешествии, повествователь Ф. М. Достоевского одновременно «освобождает реальность», утверждая новые принципы создания травелога в литературе XIX в. Ориентальным сюжетам Е. П. Ковалевского, 25 лет путешествовавшего по Средней Азии, был посвящен доклад **О. А. Фарафоновой** («*Вариации ориентального сюжета в “Странствователе по суше и морям” Е. П. Ковалевского*»). В докладе **М. А. Хатямовой** «*Дневниковое повествование в творчестве младоэмигрантов первой волны*» анализировалось использование эстетических возможностей дневника в повествовании, материалом для доклада послужила проза писателей младшего поколения первой волны русской эмиграции (Н. Берберовой, Ек. Бакуниной, Г. Кузнецовой, М. Агеева). М. А. Хатямова затронула проблему структуры и семантики дневникового повествования, позволяющего раскрыть многомерность и противоречивость представлений о литературе «человеческого документа» как одной из ведущих стратегий младоэмигрантов.

Некоторые участники конференции выбрали зарубежный материал. Так, **Н. О. Ласкина** («*Жестокие рассказы в волшебном фонаре: следы макабрических сюжетов у Пруста*») представила обзор сюжетики французской декадентской прозы, в которой важное место занимают трансформации готической традиции: такие знаковые тексты, как «Дьявольские истории» Барбе д'Оревильи, «Жестокие рассказы» Вилье де Лиль-Адана, «Господин Венера» Рашильд и ранние романы Гюисманса, создали вполне определенный, существенно отличный от романтического, тип макабрического повествования. В докладе было показано, как в поэтике Пруста, сознательно нацеленной на завершение и преодоление культуры конца века, используются намеки на популярные мотивы декадентской готики – балы мертвецов, автоматы, пленницы, демоническое менторство, – освобожденные от фантастических рамок и включенные в более сложный контекст. Современная английская драматургия стала предметом внимания **П. Е. Жиличева** («*Функционирование интертекста в драматургии Г. Пинтера*»).

Около десятка докладов и сообщений конференции касались литературы Сибири и Дальнего Востока, отметим, что с каждым годом сибирский и дальнево-

сточный текст и его сюжетика привлекают к себе все больше внимания. Обсуждалась и сибирская классика, и малоизвестные или даже почти полностью забытые авторы, книги, сюжеты. **Р. А. Григоренко** построил доклад на материале книг Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872), «Сибирь как колония» (1892), фельетонов и статей в журнале «Восточное обозрение», а также на фрагментах эпистолярного наследия писателя. Р. А. Григоренко анализировал ряд сюжетов и мотивов, связанных со «скорбным вояжем» – ссылкой в Сибирь. В докладе обсуждался хронотоп границы (Россия / Сибирь), сибирского города, острога, определялись функция этого сюжета и его роль в выражении авторского замысла, подчиненного областнической эстетике. Вс. Иванов стал предметом исследования **Л. П. Якимовой** («Роман Вс. Иванова “Проспект Ильича”: между классикой и соцреализмом») и **И. Е. Лощилова** («Ранняя редакция повести Вс. Иванова “Бронепоезд 14, 69” (1922): К истории рецепции»), рассказавшего о рецензиях и откликах 1922–1925 гг. на журнальную и книжную версии ранней редакции повести, кардинально переработанной автором после 1932 г. Первые критики в СССР и в эмиграции обращали особое внимание на политику и идеологию «Бронепоезда 14, 69» и его автора. Лишь немногие из них оценили по достоинству подлинно новаторскую поэтику и эстетику повести, написанной в русле сюжетного и повествовательного эксперимента литературной группы «Серапионовы братья», к которой Вс. Иванов примкнул сразу после переезда из Сибири в Петроград. Идеология автора часто прочитывалась как крестьянская или неонародническая («скифская», «эсерская»). Отмечали упрощение психологического портрета персонажей, что было принципиально важным для «Серапионовых братьев». Наиболее пронизательные суждения о повести принадлежали участнику этой литературной группы, критику и историку литературы И. Груздеву и поэту-футуристу А. Крученых. Оба обратили внимание на диалектическое взаимодействие сюжетных линий повести с внесюжетными элементами (фонетическая заумь, имитация просторечия и акцентов, оноματοпея и др.).

Образ Новосибирска, созданного под влиянием блоковского образа «Новой Америки», на страницах эмигрантской прессы рассматривался в докладе **С. Ю. Корниенко** «Обретение Америки в Барабинской степи...». Докладчица описала трансформации образа в травелоге Г. Гонцова «Снова по родной земле. Путевые впечатления нелегального». **Е. А. Денисова** познакомила слушателей с творчеством и отдельными сюжетами забытого поэта Бориса Гисси (доклад назывался «Поэтика стихотворений Бориса Гисси: к истории литературного процесса Ново-Николаевска в годы Гражданской войны»), печатавшегося в сибирских газетах, в частности в ново-николаевской «Русской речи» в 1919 г.). Как и другой малоизвестный поэт Юрий Сопов (П. И. Сопов; 1897–1919), которому был посвящен доклад **Е. Ю. Куликовой**, Гисси следовал поэтическому канону русской классики XIX в. Однако если поэтика Гисси развивалась практически вне влияния современных ему модернистских течений, то в творчестве современника Гисси – Ю. Сопова Е. Ю. Куликова, напротив, специально отметила несколько выразительных модернистских приемов, выказывающих в Ю. Сопове внимательного читателя Бальмонта и акмеистов. В докладе были приведены тексты двух неизвестных ранее стихотворений Ю. Сопова («Любовь» и «Одиночество»), напечатанных в омской газете «Заря» от 1 января 1919 г. с указанием на недошедшую до нас или ненаписанную книгу «Речные вечера». **Е. А. Макарова** представила обзор уникальных литературно-художественных сборников Дальнего Востока авангардной направленности (начало 1920-х гг.), рассказав и об издательствах, их выпускавших. Дальневосточная тема была продолжена в докладе **Е. В. Капинос**, собравшей и интерпретировавшей дальневосточные мотивы ма-

лоизученной авангардной стихотворной книги С. Третьякова «Железная пауза», изданной во Владивостоке в 1919 г.

При составлении «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы» очевидным стало то, что сюжетика и мотивика литературы Нового времени коренным образом отличается от древней, тем не менее ни в теории, ни в классификации сюжетов и мотивов нельзя обойтись без опоры на древнюю литературу, и отдельная секция с докладами о памятниках древней литературы обязательно входит в программу конференции на протяжении многих лет. На этот раз были прослушаны следующие доклады: **Л. И. Журова** «Максим Грек и Вассиан Патрикеев», **Т. В. Ковалева** «“Кирилловская” традиция в памятниках севернорусской агнографии: Жития Кирилла Белозерского и Александра Свирского», **Т. В. Панич** «Интеллектуальные лидеры сообщества церковных писателей второй половины XVII в.: творческие связи», **Л. В. Титова** «Спиридон Потемкин как интеллектуальный лидер первых идеологов староверия», **О. Д. Журавель** «Андрей Денисов как лидер религиозного сообщества (по рукописным источникам XVIII века)», **Н. А. Старухин** «Полемические сочинения сибирских “австрийцев” из Центра хранения ИИ СО РАН в составе сборника 10/09-г.».

В заключение были подведены итоги конференции. Всего на пленарных и секционных заседаниях было заслушано около 60-ти докладов исследователей, работающих в учебных и научных заведениях Сибири (Томск, Красноярск, Кемерово, Барнаул, Рубцовск), а также Москвы, Санкт-Петербурга, Перми. Благодаря усилиям всех участников удалось многоаспектное рассмотрение заявленных в программе теоретических и историко-литературных проблем.

E. V. Kapinos

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

**Epic, Lyrical and Dramatic Story in Theoretical and Historical Aspects:
Chronicle of the All-Russian Conference “Theory of Literary Plot / Narratology – 6”
(Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, May 14–16, 2019)**

This article presents the chronicle of the “Theory of Literary Plot / Narratology – 6” conference, held on May 14–16, 2019, by the Literary Studies Department of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS). About 60 reports, prepared by researchers working in educational and scientific institutions of Siberia (Novosibirsk, Tomsk, Kemerovo, Barnaul, Krasnoyarsk, Rubtsovsk), as well as of Moscow, St. Petersburg, Perm and other cities, were delivered at the conference.

Same as in previous years, this traditional conference was dedicated to the problems of creating a Dictionary of subjects and motifs of Russian literature (the work on compiling this multi-volume book is being carried out in the departments for the second decade). At the conference, the questions of literary plot theory and motif were discussed, the plot was taken as a concept of narratology, the history of specific plots was reconstructed, the review of plot and motif thesauruses of individual authors or works was made. The plot was considered in relation to the intertext in the *motif – poetic path – poetic formula – name – word* series of notions, taking into account the opposition of lyrical and epic, anarrative and narrative.

In addition to theoretical reports, as well as studies reconstructing the *transversal* history of certain plots, works on the narratology and motif theory of the Siberian texts were also presented at the conference. The subject structure of opinion journalism (separately or in comparison with artistic subject structures) and multigenre works were also considered. A separate section was

Хроника

devoted to the ancient literature, and a rather large group (about a dozen) of researchers focused on the study of the lyrical plot, although the main interest was traditionally focused on the study of epos.

Keywords: plot, motif, narrative, narratology, theory of literary plot, lyric plot, epic plot, plot and genre, plot and motivation of the Siberian and Far Eastern text.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-274-282

Elena V. Kapinos – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, dzerv@mail.ru)